

- Это должно быть подделка, - сказала Джоан, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно ровнее, пока она перечитывала королевскую грамоту уже в третий раз. Она не могла понять, почему королева согласилась на это. Нет, хуже. Она подозревала, что точно знает, почему, и ей совершенно не нравились эти намеки.

- Это не так, - сказала в ответ Баутеут, пристально глядя на младшую девушку. Она держала руки скрещенными и со знающей ухмылкой, которую Джоан хотела бы убрать.

- Мне не нужен личный целитель, - сквозь стиснутые зубы сказала Джоан. Даже если бы он был нужен, она не хотела, чтобы им стала Баутеут. Хотя для детей знати иметь личных целителей было неслыханным делом, обычно они становились подмастерьями в качестве последней ступени обучения, она все еще не была официально подтверждена как дочь Хардвина. Что еще важнее, если бы ей действительно нужен был целитель, она бы в первую очередь выбрала Нейю или Коргрон. Но, что самое важное, ей не нужен был целитель. Это подразумевало, что она не знает, как позаботиться о себе. Что ей нужен целитель, который будет постоянно присматривать за ней, чтобы она не погибла. И все же в письме было ясно сказано, что на время ее назначают целителем-стажером.

Независимо от желания самой Джоан. Ей стало интересно, какое наказание предусмотрено за уничтожение королевского послания.

- Решение уже принято, - повторила Баутеут, в ее голосе было столько самодовольства, что Джоан невольно напряглась и смяла письмо.

- Серл? - спросила она, глядя на избранного. - Ты не можешь быть с этим согласен.

- Не вижу проблемы, - сказал Серл, делая вид, что осматривает седло своего скакуна. - В любом случае, похоже, что все уже решено. Все ждут нас, нам пора ехать. Твоя лошадь готова.

- Но я могу позаботиться о себе сама, - сказала Джоан, силясь придумать хоть какой-нибудь предлог, чтобы оставить целительницу позади. Она еще раз просмотрела послание, ища в нем слабые места. Но таковых не нашлось.

Королева распорядилась, чтобы до возвращения Хардвина Джоан находилась в безопасности замка под ее опекой. При одной только мысли об этом она почувствовала раздражение. Даже если она была ребенком, она была более чем способна позаботиться о себе сама. Хуже того, она подозревала, что Хардвин попросил ее об этом, так что у нее не было никакой возможности выкрутиться, заявив, что хочет удалиться в поместье Дусклам и ждать возвращения своего "отца". Хуже всего было то, что королева "попросила", чтобы для обеспечения безопасности Джоан на время был назначен целитель, проходящий обучение в академии, как последний этап их стажировки. Джоан не сомневалась, что Баутеут специально попросила об этом, даже если ее имя нигде не значилось в письме. Как целительница уговорила королеву согласиться на это, она не могла понять, но теперь в ее планах появилось еще одно осложнение. Она заботилась о себе дольше, чем кто-либо в этом мире, и ей не нужен был целитель, чтобы нянчиться с ней. Как она собиралась спасти мир, если каждый ее шаг будет блокироваться окружающими? Хуже того, Серл, похоже, наслаждался этим новым осложнением, так что она сомневалась, что он поможет ей в ее попытках обойти ограничения.

- Я ненавижу вас обоих, - наконец сказала Джоан, сложив письмо и передав его Серлу. - Вы оба злые, коварные и...

- Ты провидица, ты должна была это предвидеть, - спокойно сказала Баутеут, а затем повернулась к своей лошади и поправила седло. - Серл, не мог бы ты помочь мне? - спросила она. Через мгновение он подошел к ней и подсадил ее в седло.

Затем Серл оглянулся на фехтовальщицу. - Не хочешь, что бы я помог?

- Я знаю, как самостоятельно забраться в седло, Серл. Я никогда не смогла бы закончить обучение, если бы не умела даже этого. Баутеут, мои способности распространяются только на избранных, а не на меня саму. Если бы я знала об этом, я бы толкнула тебя с лестницы или что-то в этом роде, - сказала Джоан, ее голос был полон яда. Затем она повернулась к своей собственной лошади, проигнорировав предложение Серла. Она проверила ремни, но, как и ожидалось, они были отрегулированы идеально. Она тихо вздохнула, вставила ногу в стремя и

подпрыгнула, приземлившись на седло с легким звуком. Она почувствовала небольшие отголоски боли от последней поездки, но они быстро исчезли. На этот раз все будет не так уж и сложно. Небо было чистым, и если снова начнется ливень, они смогут просто отдохнуть в городе, пока погода не успокоится. - Отлично. Мне все равно, давайте просто отправимся в путь.

Баутеут вздохнула. - Дело не в том, сможешь ли ты, Джоан. Ты действительно такой ребенок во всех неправильных отношениях и ни в одном правильном.

Джоан сдержала рык и оглянулась на Серла. Он легко скользнул в седло, и она не понимала, почему должна ожидать от него чего-то меньшего. Физически он был всего на несколько лет старше ее. Избранный или нет. - Каковы правильные пути?

- Дети должны просить о помощи, когда у них что-то не получается, - твердо сказала Баутеут.

- Я так и делаю, - Джоан щелкнула поводьями, заставив лошадь пуститься рысью в сторону главных ворот. Она уже боялась этой поездки, но не только из-за целительницы. У них будет эскорт, состоящий из дюжины стражников. Даже если бы она захотела ускользнуть одна и попытаться в одиночку преследовать другого избранного, это было бы невозможно. Без Серла, который мог бы носить оружие, она полагала, что все равно не сможет заставить их выслушать ее требования.

Это была еще одна вещь, по которой она скучала в своей прошлой жизни. Она требовала уважения как герой. Все знали ее имя, все королевства доверяли и подчинялись ей. Никто не хотел нажать ей врага, кроме королевы Эмелин, и даже король остерегался выступать против героя. Она не могла не видеть иронии в том, что единственным местом, где ее не приняли по-настоящему, был ее собственный дом. Она задавалась вопросом, разрешат ли ей другие королевства въехать в них без одного из избранных. В конце концов, она была всего лишь маленьким ребенком, не имеющим там никаких дел.

Она наклонилась вперед и прижалась лицом к гриве своего коня, вдыхая мягкий, землистый

запах. Может быть, Нейя прислушается к ней - эльфийка всегда больше всего хотела похвалы. Она всегда так нуждалась в доказательстве того, что достойна их, что она имеет ценность после всех больных и мерзких слухов, которые о ней ходили. Слухи, на которые так часто попадалась Джоан.

Она почувствовала руку на своей спине и оглянулась на Баутеут, которая теперь ехала рядом с ней. - Джоан? - тихо спросила девушка.

- Что? - спросила Джоан, ее голос надломился. Она быстро села прямо, глядя в сторону. - Мне не нужна помощь.

- Ты плачешь, - прошептала Баутет.

Джоан подняла руку и вытерла глаза, пытаясь заглушить мрачные мысли. - Это неважно. Это просто...

- Еще одно видение? - спросила Баутеут.

- Что-то вроде этого, - ответила Джоан.

- Ты хочешь поговорить об этом? - спросила Баутеут.

- Не с тобой, - с горечью сказала Джоан.

- Я целительница, ты знаешь. Это значит больше, чем просто физические раны. Серл, не мог бы ты дать нам, девочкам, немного пространства? - спросила Баутеут, глядя вперед.

- Я пойду и подожду с эскортом, - быстро сказал Серл, а затем щелкнул запястьями и заставил лошадь рысать быстрее, направляясь вниз по улице и удаляясь от них.

Джоан смотрела ему в спину, пытаясь подавить раздражение и желая, чтобы ее взгляд превратил его в лед. Затем она обратила весь свой суровый взгляд на Баутет, которая казалась невозмутимой. - Я не хочу об этом говорить.

- Знаешь, когда ты так смотришь, ты больше похожа на капризного ребенка, чем на великую, страшную мечницу, - сказала Баутеут мягким, дразнящим тоном.

- Я не похожа! - крикнула Джоан, а затем покраснела от осознания того, что, скорее всего, только что доказала правоту целителя.

- Нравится тебе это или нет, но на данный момент я твой личный целитель. Мой долг - поддерживать тебя в оптимальной форме и не допустить, чтобы ты пострадала. Болезнь разума может быть еще более разрушительной, чем болезнь тела.

- Болезнь разума? Я не схожу с ума, - сказала Джоан.

- Нет, но ты расстроена. Безрассудна. Очень...

- Прекрати, - сказала Джоан, прежде чем закрыть глаза. - Просто прекрати это. Пожалуйста. У меня сейчас нет сил играть с тобой в игры. Я...

- Тогда не спорь и просто позволь мне помочь тебе. Что ты видела, что заставило тебя плакать?
- снова спросила Баутеут.

Джоан покачала головой и уставилась на тропинку впереди. Как бы она ни старалась, она подозревала, что Баутеут будет продолжать допытываться, пока она не уступит ее требованиям. У нее тоже не было сил продолжать спорить. Вместо этого она попыталась представить, как провидица объяснит свое видение. - Я видела лук, покрытый драгоценными камнями, который был прекраснее всех остальных. Окружающие из мелкой зависти покрывали его грязью, пока от него не осталась лишь шелуха былой славы. Я видела, как даже самые близкие друзья покинули его и обвинили в том, что он стал демоном, смешав свою кровь и силу с кровью и силой тех запятнанных земель. Затем я наблюдала, как их обвинения стали реальностью, потому что, когда друзья лука были нужны больше всего, они бросили его. Он. Я видела, как он пал и превратился в грязное, темное творение... - Джоан почувствовала, как в ее груди завязывается тяжелый узел скорби, а на глаза снова навернулись слезы. - Я видела, как это случилось с другим. Я видела так много ошибок, так много раз, когда хорошее, красивое, сияющее оружие разрывалось на части и оставалось шелухой из-за глупости тех, кто должен был знать его лучше всех, - из-за ее глупости. Из-за ее собственной гордости и желания славы. Если бы только она могла предупредить свои прошлые жизни об их лжи и обмане.

- Такова судьба избранного лука? - мягко спросила Баутеут.

- Лук и корона. Это одна из них, по крайней мере. Возможность, - сказала Джоан.

- Будет ли это их будущее на этот раз? - спросила Баутеут.

- Нет, - быстро ответила Джоан, ее голос стал жестким и твердым. Будь она проклята, если позволит своим друзьям снова пройти через это. Она совершила столько ошибок, позволила столько боли и мучений войти в сердца людей, которые должны были стать ее друзьями. Она бы никогда не позволила этому случиться снова.

- Тогда не плачь. Это будущее, которое могло бы случиться, возможно. Но если это будущее, которое ты можешь предотвратить, чтобы оно никогда не наступило, тогда действительно ли тебе нужно горевать по этому поводу? - спросила Баутеут. - Обидно, что это могло случиться, что это будущее вообще было возможно. Но будущее - это только то, что может произойти. С твоими способностями ты можешь сделать будущее хорошим. Верно?

Джоан кивнула и почувствовала легкое утешение от этих слов. - Верно. Я просто должна убедиться, что на этот раз все не обернется плохо.

- Именно. А теперь постарайся не плакать слишком много во время поездки.

- О? Почему? - спросила Джоан, сощуривая глаза. - Не можешь вынести, когда девушка плачет?

- Я видела более чем достаточно плачущих детей. Но солдаты не хотят. У некоторых из них, вероятно, есть свои дети примерно твоего возраста. По моему опыту, ничто не может так быстро сломить решимость солдата, как слезы ребенка.

Джоан открыла рот, чтобы возразить, но остановилась. Теперь, когда она подумала об этом, решимость Хардвина тоже довольно быстро рухнула от ее слез. В то время было немало возражений против ее выпуска. Многие считали, что она еще слишком молода. Единственная причина, по которой ей позволили закончить школу, заключалась в том, что не было никакой возможности оправдать ее дальнейшее пребывание там. Все еще были те, кто мог ее научить, но не в академии. Даже после присоединения к компании было много тех, кто не хотел иметь с ней ничего общего. Она всегда считала, что они просто смотрят на нее свысока, но ей стало интересно, не было ли это частью причины.

- Знаешь, мне это никогда не казалось странным, - тихо сказала Джоан.

- А? Что не показалось? - спросила Баутеут, оглядываясь на нее.

- Я никогда не видела на поле таких, как я. Думаю, до меня самому молодому выпускнику было лет пятнадцать, верно? - спросила она. Но опять же, она полагала, что у этого человека не было тысяч лет опыта и тренировок, которые помогли бы ему учиться и развиваться.

- Думаю, да, хотя было несколько человек, которым это удалось. Полагаю, Серл теперь тоже один из них, - сказала Баутеут с небольшой улыбкой. - Если предположить, что быть избранным считается достаточным для того, чтобы дать ему полный выпуск. Но, опять же, не многие люди рождаются вундеркиндами, которые могут освоить продвинутое заклинание или технику за несколько секунд, как будто они использовали их всю жизнь или две. Или взять в руки оружие и иметь почти идеальную форму, в которой даже мастер не может найти недостатков.

Джоан кивнула, снова нахмутив губы. Ее прошлые жизни тоже были такими. В детстве она была героем и уничтожала опасных монстров. Обучалась у величайших воинов и магов мира. Если люди и возражали тогда, она не замечала. Она была более сильной и выносливой, чем большинство взрослых. Она протянула руку вверх и сжала ее в кулак.

- Ты уверена, что хочешь быть моим личным целителем? Скорее всего, я снова получу травму. В конце концов, я...

- Сломала половину костей, сражаясь с Троллем Отражений? О, поверь мне, я знаю. Все знают.

Джоан подняла голову и уставилась на женщину. - Что? Как? Я никогда не говорила...

- Сейчас уже полкоролевства знает. Слухи распространяются быстро. Хотя, признаюсь, эта часть дошла до меня только в последние несколько дней. О том, что лорд Хардвин убил тролля, мы все слышали. Но то, что его давно потерянная дочь была рядом с ним и чуть не погибла в потасовке? О, об этом уже поется в песне. Разве ты не слышала?

Кровь медленно отхлынула от лица Джоан. - Песня. Барды? Ты хочешь сказать, что бард подхватил эту историю? - спросила она, стараясь унять дрожь в голосе. За всю ее жизнь не было лучшего способа обеспечить распространение информации по всем королевствам, чем песня барда. К сожалению, когда речь заходила о песне барда, было столько же шансов выглядеть дураком, сколько и героем.

- О, действительно. "Когда кости его маленькой дочери затрещали на злобной шкуре тролля, поднялся великий гнев лорда Хардвина Дусклама!" Это действительно очень мило. Если не считать калечашей и близкой к смерти части. Согласно песне, ты бросилась на чудовище в попытке убедиться, что твой дорогой, замечательный отец наберется мужества, чтобы противостоять ему.

Джоан издала еще один стон. Если песня заставляла Хардвина казаться трусливым дураком, которому нужно, чтобы она его мотивировала, это только усиливало разлад между ними. - Все было совсем не так. Я была идиоткой. Я думала, что смогу убить его в одиночку. Но я смогла лишь едва повредить его шкуру, - сказала она и еще крепче сжала кулаки. Ей было интересно, сможет ли она когда-нибудь стать достаточно сильной, чтобы убить такого зверя. - Это единственная песня обо мне, верно?

- О, наш эскорт! - быстро сказала Баутеут, щелкнув поводьями и заставив лошадь идти немного быстрее, мимо Джоан.

- А? Эй! Ответь на мой вопрос!

- Нет! - крикнула в ответ Баутеут, не обращая внимания на преследующую ее сердитую девушку.

<http://tl.rulate.ru/book/68218/1833304>